

М. Пыляев

**Забытое прошлое
окрестностей Петербурга**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Пыляев**
Забывтое прошлое окрестностей Петербурга / М. Пыляев – М.: Книга по Тре-
бованию, 2015. – 556 с.

ISBN 978-5-458-16197-8

ISBN 978-5-458-16197-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

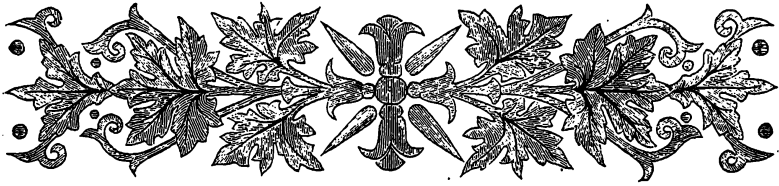
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ АВТОРА.

„Забытое прошлое окрестностей Петербурга“ составлено по различнымъ историческимъ источникамъ и по устнымъ преданіямъ, сохранившимся среди старожиловъ. Все это было провѣрено и сколько возможно исправлено. Писано же разновременно и отрывочно, безъ строгой системы, въ самой простой, такъ сказать, бесѣдной формѣ.

Какъ эти очерки составились, такъ я ихъ и перенесъ въ книгу, безъ передѣлокъ и безъ малѣйшей претензіи на ученую серьезность.

Если моя книга займетъ вниманіе читателей и хоть отчасти поможетъ имъ вспомнить или даже, можетъ быть, узнать „забытое прошлое“, то я достигъ моей цѣли и ничего другого не желаю.

ГЛАВА I.

Дачи на берегахъ Невы.—Число садовъ въ Петербургѣ.—Садъ протоіеря Самборскаго.—Случай во время войны со шведами.—Шутиха императрицы Матрена Даниловна.—Празднованіе дня Сампсонія Петромъ.—Королева дача, Головинская дача, Строгановская дача.—Графъ А. С. Строгановъ.—Праздники въ его саду.—Гробница, статуя, бібліотека и другія диковинки.—Черная рѣчка.—Будочникъ-философъ.—Заведеніе мнеральныхъ водъ.—Ив. Ив. Излеръ и В. Н. Егаревъ.—Новая Деревня.—Графъ Бесстужевъ-Рюминъ.—Елагинъ островъ.—Крестовскій островъ.—Домъ царевны Натальи.—Князь А. М. Бѣлосельскій.—Первыя увеселенія на Крестовскомъ.—Жоли Кантонъ.—Дачи Зиновьева, Нарышкина, графини Лаваль.—Нѣмецкій и русскій трактиры.—„Тоня подъ елями“.—Куллербергъ.—Каменный островъ.—Графъ Головкинъ и его печальная судьба.—Жизнь цесаревича Павла Петровича на Каменномъ.—Церковь и кладбище мальтійскихъ кавалеровъ.—Инвалидный домъ.—Каменный при Александрѣ I.—Дачи вельможъ.—Каменноостровскій театръ; его первый и послѣдній смотритель.—Аптекарскій островъ.—Зеленый заводъ.—Садъ лекарственныхъ травъ.—Русскія батареи.—Подворье Теофана Прокоповича.—Ботаническій садъ.—Барскія дачи.—Прежнія увеселительныя заведенія.

ВЕРЕГА Невы съ островами, съ первыхъ лѣтъ существованія столицы, служили дачнымъ мѣстомъ петербургскихъ жителей. Здѣсь всякій, отъ знатнаго и богатаго и до немного зажиточнаго, избиралъ себѣ лѣтнее жилище; ряды красивыхъ дачъ, прикрытыя зеленью липы и березы, въ то время почти сплошную обрамляли живописные изгибы береговъ Невы.

Съ конца мая до сентября множество лодокъ сновало взадъ и впередъ по рѣкѣ; роговая музыка и пѣсни гребцовъ раздавались по ней всюду. По вечерамъ флотилія расцвѣчивалась разноцвѣтными фонарями и потѣшныя огни отражались въ чистыхъ струяхъ величественной рѣки¹⁾.

Петербургъ въ Екатерининское время былъ весь опоясанъ садами. Въ послѣдующія царствованія всѣ эти огороженные рощицы и лѣски были истреблены для возведенія обширныхъ построекъ

въ столицѣ. Теперь въ городѣ при домахъ почти нѣтъ садовъ, но еще въ 1836 году, по свѣдѣніямъ, изданнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ столицѣ числилось 1,688 садовъ; въ 1-й и 2-й Адмиралтейской частяхъ сады занимали одну двадцатую часть всего пространства, въ 3-й Адмиралтейской—одну десятую, въ Литейной—одну двѣнадцатую часть. Богаче всѣхъ была садами Петербургская: здѣсь ихъ пространство занимало половину земли; бѣднѣе всѣхъ садами были Охтенская и Каретная части.

Въ исходѣ прошлаго столѣтія, на концѣ Дворцовой набережной, близъ нынѣшняго Литейнаго моста, стоялъ домъ съ превосходнымъ садомъ протоіерея Анд. Аѳан. Самборскаго (по имени этого домовладѣльца названъ существующій въ этой мѣстности переулокъ), духовника и наставника великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Самборскій ²⁾ болѣе сорока лѣтъ провелъ на службѣ при миссіяхъ нашего двора за границей, гдѣ считалъ одною изъ своихъ первыхъ обязанностей помогать совѣтами и указаніями русскимъ путешественникамъ. Особенно онъ отличался большими познаніями въ садоводствѣ и земледѣліи; онъ выписывалъ изъ-за границы землянику, малину и другіе плодовые кусты и деревья. Изъ его сада въ Петербургѣ славились ягоды. Позднѣе Самборскій основалъ близъ Царскаго Села, по дорогѣ въ Павловскъ, на дачѣ Александровѣ, школу земледѣлія. Графъ М. М. Сперанскій объявилъ началомъ своей карьеры этому замѣчательному, по высокимъ своимъ достоинствамъ, протоіерею. Самборскій былъ знакомъ съ родителями Сперанскаго и зналъ будущаго государственнаго человѣка бѣленькимъ малюткой, бѣгавшимъ запросто босикомъ; Самборскій часто бралъ его на руки и звалъ въ шутку къ себѣ въ Петербургъ. Дружба Сперанскаго къ этому почтенному человѣку постоянно поддерживалась и даже и тогда не измѣнилась, когда роли прежнихъ знакомцевъ уже перемѣнились. Въ домѣ Самборскаго Сперанскій нашелъ себѣ невѣсту—англичанку Елисавету Стивенсъ; по семейнымъ преданіямъ, онъ былъ обвѣнчанъ въ церкви Самсонія Страннопримца, на Выборгской сторонѣ. Сперанскій до конца своей жизни не переставалъ посѣщать домъ своего друга и даже вблизи его купилъ себѣ домъ, на углу Сергіевской и Таврической; впоследствии онъ купилъ другой, каменный, тоже на Сергіевской улицѣ, близъ Моховой, въ которомъ и скончался. Начало же своей гражданской жизни Сперанскій положилъ въ маленькой квартирѣ въ Большой Морской, въ домѣ Куракина.

Вблизи сада Самборскаго съ 1738 года стояло зданіе Литейнаго двора, теперь сломаннаго для проведенія Литейнаго моста на Выборгскую. На этомъ зданіи красовался вензель императрицы Анны I, съ означеніемъ года построенія (1733). Вензель этотъ былъ снятъ при вступленіи на престолъ императора Николая: повидимому, начальство Литейнаго двора полагало, что это вензель Александра I³). Вокругъ этого зданія построена была лабораторія— послѣдняя возбуждала много опасеній, когда помѣщалась среди города; въ 1787 году она была переведена на Выборгскую, но и тутъ напугала весь Петербургъ. Тогда шла война со шведами. Неприятельскія дѣйствія происходили вблизи столицы. Въ городѣ явственно слышался громъ сраженія при Красной горкѣ. Вдругъ загорѣлась лабораторія⁴), и съ Выборгской стороны посыпались бомбы и гранаты: «Шведы! шведы!»— раздавалось въ столицѣ со всѣхъ сторонъ. Многие стали выбираться изъ Петербурга. Одна барыня, застигнутая общею тревогою въ Гостиномъ дворѣ, поспѣшила сѣсть въ карету, закричавъ кучеру: «Скорѣе, погоняй, въ Москву!» Полиція съ трудомъ успокоила жителей города.

Эта шведская баталія, слышанная въ Петербургѣ, очень напугала шутиху императрицы, Матрену Даниловну. Послѣдняя прибѣжала въ испугѣ къ государынѣ со словами:

— Ну, матушка, хороша твоя роденька-то, хорошъ братецъ.

— Кто такой? — спросила Екатерина.

— Да королешка-то негодный шведскій, настрацалъ меня на-смерть!

И начала его ругать всячески: такой, сякой, такъ что императрицѣ стало неприятно.

— О чемъ ты хлопчешь, сказала она.

— Да какъ же, отвѣчала шутиха, — я со страстей весь занавѣсь своей испортила и разорвала.

Шутиха Матрена Даниловна Теплицкая была родомъ изъ ярославскихъ купчихъ, — государыня знала ее еще въ то время, когда была великою княгинею. Екатерина, хотя и не терпѣла шутить, но очень любила ее, держала у себя во дворцѣ: по рассказамъ, она черезъ нее узнавала многое. Теплицкая ходила въ платьяхъ императрицы, называла государыню «сестрицей», имѣла много брилліантовъ и каменный домъ въ Петербургѣ у Вознесенья. Послѣ, когда окончилась шведская война, король прислалъ императрицѣ въ подарокъ дорогіе серебряные сосуды, въ числѣ

которыхъ былъ небольшой, изящной работы кувшинчикъ. Государыня призвала свою забавницу и сказала:

— Ну, Матрена Даниловна, ты вотъ все бранила, да бранила шведа-то; поди-ка погляди, что онъ ко мнѣ прислалъ.

— Хорошо, хорошо, а особливо этотъ кувшинчикъ; но хорошо, если прислалъ онъ это отъ добраго сердца, такъ испоглатъ, а ежели не такъ, такъ чортъ его поberi и съ ними.

— Да что ты такъ сердита, Матрена Даниловна, на твоего шведа?

— И, матушка, да вѣдь онъ нѣмецъ, а у насъ на Руси о нѣмцахъ такихъ мыслей были, что когда придетъ къ кому въ домъ нѣмецъ, такъ вымывали и вытирали и крюкъ дверной, за который онъ, растворяя дверь, хватался.

Слѣдуя по Невкѣ, на пути къ островамъ; въ старое время на Выборгской сторонѣ въ началѣ отъ города дачныхъ построекъ не встрѣчалось. Недалеко отъ берега здѣсь видѣлся одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ Петербурга, построенный въ концѣ 1709 г. Петромъ, во имя преподобнаго Сампсона Страннопримца. Церковь была заложена въ память дня побѣды подъ Полтавой надъ Карломъ XII. Въ 1710 году деревянный храмъ былъ освященъ и при немъ было устроено общее городское кладбище, какового тогда въ Петербургѣ еще не было: умершихъ хоронили при собственныхъ домахъ или у приходскихъ церквей. Голиковъ говоритъ, что Петръ, при учрежденіи здѣсь кладбища, руководствовался мыслью: преподобный Сампсоній былъ страннопримецъ, а на петербургской землѣ поселились странники, люди пришлые; пусть они и покоятся подъ сѣнью страннопримца.

Рядомъ съ православнымъ кладбищемъ было отведено мѣсто для погребенія христіанъ и другихъ исповѣданій. По приказу Петра, за мѣста погребенія денегъ не брали, а пожертвованія записывали въ книгу. Всей земли для кладбища, обнесенной каменной оградой, по сейчасъ здѣсь въ количествѣ 10,000 кв. сажень. Кладбище это до царствованія Екатерины II служило главнымъ мѣстомъ погребенія для жителей Петербурга. На этомъ кладбищѣ, на южной сторонѣ храма, погребены: бывшій кабинетъ-министръ Артемій Петровичъ Волинскій и съ нимъ Хрущовъ и Еропкинъ.

Въ Сампсоньевъ день на Выборгской сторонѣ встарину былъ большой праздникъ, хороводы русскихъ бабъ и толпы чухонкокъ здѣсь плясали подъ звуки балалайки до утра, веселье и празднество всегда тянулось три дня. Самъ же царь Петръ праздни-

валь этотъ день передъ Сенатомъ на Петербургской сторонѣ; здѣсь съ разсвѣтомъ строились бомбардирская рота и полки гвардіи: Преображенскій и Семеновскій, затѣмъ и другіе полковые, составлявшіе петербургскій гарнизонъ. Въ шагахъ ста отъ Троицкаго собора ставилась большая палатка, гдѣ главнѣйшее духовенство служило обѣдню. Въ 8 часовъ утра императоръ со всею фамиліею выходилъ изъ лѣтняго дворца, садился на раззолоченный буеръ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ, подѣзжалъ къ крѣпости. У пристани здѣсь его ждали сенаторы и знатнѣйшее дворянство, въ разноцвѣтныхъ французскихъ кафтаныхъ изъ узорчатаго свѣтлаго бархата или гродетуровыхъ съ серебряными или золотыми нашивками по борту. Царь былъ въ нарядѣ, какой носилъ въ день полтавской битвы—зеленомъ мундирѣ съ откладнымъ краснымъ воротникомъ, небольшими обшлагами того же цвѣта и черною португеею черезъ плечо, въ которой привѣшенъ былъ кортикъ, въ зеленыхъ чулкахъ и старыхъ башмакахъ съ пряжками; съ прострѣленною шляпою въ одной рукѣ, взявъ въ другую эспонтонтъ, онъ становился шагахъ въ тридцати отъ палатки. Въ сторонѣ стояли генералы, позади нихъ два подполковника гвардіи съ эспонтонами въ рукахъ, князь Меншиковъ и Бутурлинъ, за ними въ нѣсколько рядовъ офицеры; императрица съ придворными дамами становилась за рѣшеткою на возвышеніи. Во время молебствія царь, государыня и все войско стояли на колѣняхъ. При многолѣтнѣи громъ пушекъ и бѣглый огонь построенныхъ на площади полковъ оглашалъ воздухъ. По окончаніи молебствія, полки проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо царя и Петръ послѣ возвращался во дворецъ; здѣсь, на берегу, знатнѣйшіе иностранцы приносили ему поздравленіе, царь нѣкоторыхъ цѣловалъ, другимъ пожималъ руки, затѣмъ всѣхъ присутствовавшихъ приглашалъ къ себѣ въ пяти часамъ въ Лѣтній садъ, гдѣ пиръ тянулся до ранняго утра.

Недалеко отъ церкви Сампсонія, на берегу Невки, въ сороковыхъ годахъ, славилось увеселительное заведеніе подъ названіемъ «Королѣва дача». Здѣсь игралъ оркестръ «Конкордія» подъ управленіемъ капельмейстера Гюльмана, сюда пріѣзжало высшее петербургское общество слушать музыку и ѣсть со сливками малину, росшую на этой дачѣ и отличавшуюся вкусомъ и величиною. Буфетъ здѣсь содержалъ извѣстный Петербургу рестораторъ Доминикъ. «Королѣва дача» была нынѣшній Павловскій вокзалъ въ миниатюрѣ.

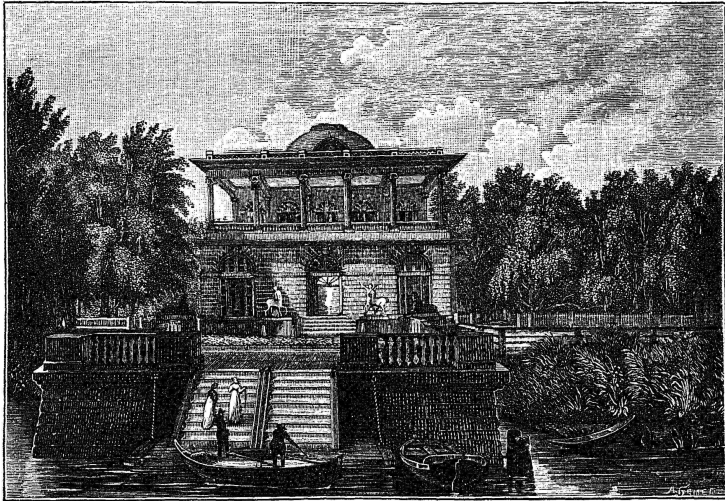
На мѣстѣ, гдѣ стояла въ Петровскія времена чухонская деревня «Торка», впоследствии была воздвигнута «Головинская дача», принадлежавшая графу Н. И. Головину, сенатору, президенту главнаго почтоваго управленія и гофмаршалу при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ.

Про этого Головина князь Безбородко пишетъ, что онъ былъ негодяй, а князь Вяземскій говорить, что онъ отличалъ людей только по платью, какъ они одѣвались. Головинъ былъ внукъ графа Ѳедора Алексѣевича, прославилъ имя свое болѣе на дипломатическомъ поприщѣ, нежели на военномъ. Головинъ былъ вторымъ генераль-адмираломъ. На Головинской дачѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ и въ началѣ пятидесятихъ, помѣщалась дача театрального училища. На этой дачѣ происходило не мало проказъ. Одно время даже начальство ставило особенный караулъ къ забору.

Начало нынѣшней Строгановской дачи положилъ С. Г. Строгановъ, купивъ у графа Рагузинскаго, въ 1743 году, загородный его дворъ; на мѣстѣ этомъ теперь находится постройка (Воронихинъ домъ), гдѣ помѣщается клубъ; для увеличенія дачи, въ 1772 году, сынъ прежняго владѣльца, графъ А. С. Строгановъ, прикупилъ домъ графа Я. А. Брюса съ землею около устья Черной рѣчки (оконечность нынѣшней Строгановой дачи) и вслѣдъ затѣмъ приобрѣлъ еще мызу Мандорову у г-на Лунина на противоположной оконечности сада — гдѣ теперь „Аркадія“ и садъ Помпей.

Устройствомъ своимъ дача обязана графу А. С. Строганову. Это былъ вельможа открытаго и веселаго характера, за что и пользовался постояннымъ довѣріемъ трехъ вѣнценосцевъ. Графъ Строгановъ императоромъ Павломъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Художествъ. Эта должность вполне отвѣчала любви Строганова къ искусствамъ. Подобно Шувалову, онъ былъ прозванъ русскимъ меценатомъ. Графъ отличался благотворительностью, граничащею съ расточительностью. Екатерина II, представляя его австрійскому императору, сказала: «Вотъ человекъ, который цѣлый вѣкъ хлопочетъ, чтобы разориться, но не можетъ!» Императрица вывела этого вельможу въ своей комедіи «Обобщенный», подъ именемъ «Родотова». Герой этотъ отличается большою расточительностью и широкимъ гостепріимствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выставленъ алхимикомъ и кабалистомъ. Последнее занятіе было любимымъ одно время у Строганова и онъ, по выраженію Державина: „дѣвицъ и дамъ магнизируетъ⁵⁾, изъ камней золото варить“... и т. д.

Проводя лѣто вмѣстѣ съ дворомъ обыкновенно въ Парскомъ, Строгановъ по воскресеньямъ прїѣзжалъ на свою любимую дачу, отмѣченную его именемъ и воспѣтую Гнѣдичемъ въ идилліи «Рыбаки». Съ садомъ Строганова связано не одно воспоминаніе. Говорять, что деревья этого сада были не разъ свидѣтелями безчисленныхъ пламенныхъ признаній и клятвъ въ вѣчной любви дачниковъ, нарушенныхъ тотчасъ по переѣздѣ въ городъ. Въ былые годы въ садъ Строганова стекалась многочисленная публика.

Строганова дача. Съ картины Воронихина.

Самъ Строгановъ, какъ пишетъ въ своихъ запискахъ ⁶⁾ Гречь, сидѣлъ съ своею компаніею на крыльцѣ и любовался картиною движущагося народа. Въ саду не было ни кофейни, ни трактира; графскіе люди продавали все съѣстное и питейное, и очень дешево, потому что запасались провизіею изъ графскихъ кладовыхъ. Въ одной сторонѣ сада была устроена галлерей для танцевъ; въ ней играла музыка. Изрѣдка графъ самъ открывалъ танцы, подавая руку первой дамѣ. Вокругъ галлерей были разбиты палатки, въ которыхъ можно было имѣть кушанье и напитки. Строгановъ во время празднества въ своемъ саду сидѣлъ одѣтый запросто, въ короткомъ казакинѣ или курткѣ изъ зеленой матеріи. Постоянными посѣтителями его были: графы

З. Г. Чернышевъ, А. В. Самойловъ, И. В. Завадовскій, А. А. Безбородко, П. А. Зубовъ.

Въ своемъ саду онъ принималъ императрицу Екатерину и разъ, въ 1796 году, далъ большой праздникъ шведскому королю Густаву IV и его дядѣ герцогу Зюдерманландскому. Нѣкогда вблизи отъ грота лежали камни на томъ мѣстѣ, гдѣ высшіе гости пили чай. У Строганова неоднократно бывали за-просто императоры: Павелъ и Александръ I и императрица Марія Феодоровна.

Существуетъ преданіе, что разъ, живя въ Таврическомъ саду, императрица Екатерина, не видя долго графа, приказала П. А. Зубову атаковать его дачу и, взявъ въ плѣнъ Строганова, привести его къ ней. Графъ узналъ объ этомъ, и быстро всѣ жители его усадьбы были вооружены, берега дачи были укрѣплены батареями, мостъ на Черной рѣчкѣ разломанъ и вельможа ждалъ только битвы. Зубовъ приплылъ съ своими егерями въ лодкахъ и не только не могъ исполнить порученія императрицы, но былъ посаженъ на мель со своими удалцами и принужденъ былъ сдаться на капитуляцію. Послѣ пира Зубовъ уже обманомъ завлекъ графа къ себѣ на лодку и тутъ, объявивъ его плѣнникомъ, доставилъ къ государынѣ.

Постройку зданія своей дачи, чистаго благороднаго стиля, какъ и разбивку всего сада съ канавками, прудами, горками, графъ поручилъ своему воспитаннику, извѣстному въ лѣтописяхъ русскаго искусства архитектору Воронихину. Просвѣщенный знатокъ художествъ не ошибся. Строганова дача одна изъ лучшихъ въ окрестностяхъ столицы и сохраняетъ посейчасъ характеръ настоящаго барскаго жилища старой русской аристократіи.

Въ саду у Строганова хранились замѣчательныя произведения искусства: двѣ большія мраморныя статуи Геркулеса и Флоры Фарнезскихъ,—стояли онѣ по сторонамъ террасы дома; затѣмъ древняя фигура точильщика, обезображенная, впрочемъ, временемъ. При входѣ на берегу къ дачѣ лежало два сфинкса, а по бокамъ ступеней—два большихъ кинотавра, затѣмъ нѣсколько мраморныхъ вазъ, и на пруду передъ газономъ была фигура Нептуна съ трезубцемъ. Теперь нѣкоторыя изъ этихъ мраморныхъ фигуръ сняты съ мѣста. Но посейчасъ въ одной изъ аллей лежитъ древняя гробница; объ этой гробницѣ существуетъ много разсказовъ; полагаютъ, что это даже настоящая гробница Гомера. Вотъ что передаетъ объ ней самъ графъ Стро-